

Линия Пекина в урегулировании проблем в бассейне Южно-Китайского моря

В.Я. Воробьев, А.В. Иванов

Статья посвящена политике КНР в сфере урегулирования проблем в бассейне Южно-Китайского моря (ЮКМ). Еще недавно конфликтная ситуация в этом регионе понималась как столкновение позиций Китая и ряда стран Юго-Восточной Азии – членов АСЕАН относительно прав на владение несколькими группами необитаемых островов, рифов и отмелей, разбросанных по всему пространству ЮКМ, а также пределов их исключительных экономических зон и континентального шельфа. Однако сейчас оппоненты КНР в споре за острова ЮКМ, которые ранее вели переговоры с Пекином в двустороннем формате, предприняли первый шаг в направлении интернационализации дискуссии. При этом Китай четко продолжает придерживаться тактики ведения переговоров со своими оппонентами в споре за острова в ЮКМ строго на двусторонней основе, стараясь через каждого конкретного партнера доводить свою позицию до всех вовлеченных в спор членов АСЕАН. Очевидное нежелание Пекина предпринять реальные шаги для ускорения принятия Кодекса поведения, видимо, можно объяснить опасениями, что документ будет использован странами АСЕАН для оказания коллективного давления на Китай и ограничения его деятельности в регионе. Проводимая КНР в последнее время политика в ЮКМ привела к обострению отношений со странами региона и подтолкнула некоторые из них, в частности Филиппины и Вьетнам, на активизацию оборонного сотрудничества с США. Россия, будучи по своему географическому положению тихоокеанской державой, реально заинтересована в том, чтобы существующие в зоне Тихого океана трения, включая территориальные споры в ЮКМ, не принимали конфронтационный характер, тем более не перерастали в силовые акции. Отдаленность России в морских милях от района ЮКМ не может и не должна восприниматься как отстраненность России от того, что в нем происходит и как там могут развиваться события.

Ситуация в Южно-Китайском море (ЮКМ) в последнее время обострилась, хотя за опасную грань никто не заступает. Наблюдается заметное расширение спектра интерпретаций того, что имеет место в ЮКМ. Еще недавно конфликтная ситуация понималась как столкновение позиций Китая и ряда стран Юго-Восточной Азии – членов АСЕАН (Филиппины, Вьетнам, Малайзия, Бруней, отчасти Индонезия) относительно прав на владение несколькими группами необитаемых островов, рифов и отмелей, разбросанных по всему

пространству ЮКМ, а также пределов их исключительных экономических зон и континентального шельфа. Претензии подобного рода высказывает также Тайвань. Проблематика ЮКМ в некоторых аспектах выплескивается за узкорегиональные рамки. Реально действующих лиц на сегодня оказывается заметно больше, чем непосредственных участников территориальных споров.

Прежде всего, сами споры, идущие в основном вокруг двух больших групп островов – Парасельских и Спратли (общепринятые названия), явля-

Воробьев Виталий Яковлевич – старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Иванов Андрей Владимирович – ведущий научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Международные отношения

ются сложносоставными. Имеет место перекрещивающееся наложение притязаний. Одну и ту же территорию называют своей одновременно и Китай, и (в разных сочетаниях) перечисленные выше страны, которые к тому же находятся в несогласии между собой по тем же самым островным землям. Структуры АСЕАН дают возможность умеривать вспышки или купировать их через внутренние политические процедуры. Своеобразным тормозом для спорящих стран Юго-Восточной Азии выступает то, что они вроде бы вместе вынуждены противостоять Китаю в территориальных аспектах проблематики ЮКМ.

АСЕАН в этом случае используется как коллективное прикрытие для них, позволяющее формировать некую общепринципиальную платформу визави объективно нависающего давления со стороны Китая. В то же время китайский предлог службы «патриотичной» ссылкой для объяснения растущих затрат и усилий с целью увеличения и совершенствования собственных военных потенциалов, которые ни при каких усилиях не в состоянии уравновесить китайский потенциал. Таким образом, пускает корни тенденция милитаризации мышления, которая способна быстро подмять под себя все остальное.

Китай предъясняет свои «исторические козыри». Он утверждает, что в анналах древних императорских династий острова в ЮКМ не только упоминаются еще две тысячи лет тому назад, но уже тогда им были даны китайские названия, сохранившиеся и поныне. В Китае ходят карты с показом давно принятых в стране представлений о территориальном наполнении китайского государства в периоды сменявших друг друга династий. Сухопутные имперские границы на них получают разные начертания – так, если в эпоху Юань (XIII–XIV вв.) Восточная Сибирь вплоть до арктического и тихоокеанского побережий включается в состав Китая, то затем пределы империи оказываются значительно южнее и западнее, на линии чуть севернее озера Байкал. Но, начиная с первой династии Цинь (III в. до н.э.), практически вся акватория ЮКМ последовательно и неизменно показывается китайской. В точности так, как это выглядит на современных официальных картах КНР, а именно не сплошной линией, принятой для обозначения государственной границы, а в виде прерывистой «линии девяти пунктов».

Конечно, карты «древних владений» в их нынешнем виде являются во многом умозрительным продуктом гораздо более поздних времен, чем периодов существования упоминаемых династий. Однако, по китайским меркам, они обрели статус аутентичного исторического свидетельства, почти официального документа. Судя по всему, именно такого рода «исторические» карты были переданы в ООН в 1947 г. гоминьдановским правительством в обоснование известной сейчас всем китайской позиции относительно принадлежности островов и морской акватории в ЮКМ. Таким образом, сущность современной линии Пекина в данном вопросе – это не столько проявление или следствие

политики быстрого «возвышения» и укрепления мощи Китая в последние три десятилетия. Скорее следует вести речь о преемственности и устойчивости в китайском социуме исторических стереотипов, невзирая на смену эпох и природы властных структур.

Бросающейся в глаза особенностью споров между Китаем и рядом юго-восточных стран вокруг островов в ЮКМ является то, что в них не фигурируют договорные акты, которые могли бы недвусмысленно подтвердить территориальные амбиции любого из участников или свидетельствовать о том, что кто-то нарушает или не считается с правоустанавливающими документами по данной тематике. Получается, что все играют на достаточно зыбком поле «исторических» ссылок и туманных прецедентов, трактуемых каждым в свою пользу. Обладая самыми длительными письменными хроникальными источниками и непрерывностью суверенной истории, Китай здесь заведомо располагает преимуществом. Другое дело, что при территориальных спорах экскурсы в историю имеют главным образом эмоционально-мобилизующую нагрузку. Для международно-правового решения они носят факультативный, вспомогательный характер, уступая, в конечном счете, приоритет соображениям политической целесообразности, а бывает, и конъюнктуры. Главное во всем этом, чтобы битва «исторических памятней» не оборачивалась реальными сражениями, что, к сожалению, не всегда получается.

С момента принятия в феврале 1992 г. Все-китайским собранием народных представителей «Закона о территориальных водах и прилегающих к ним районах», по которому Парасельские острова и острова Спратли были объявлены неотъемлемой частью территории КНР, то есть в последние 20 лет ситуация вокруг спорных территорий в зоне ЮКМ претерпевала определенные изменения. Оппоненты КНР в споре за острова ЮКМ, которые ранее вели переговоры с Пекином в двустороннем формате, предприняли первый шаг в направлении интернационализации дискуссии. Им стало принятие в 1992 г. министрами иностранных дел АСЕАН Манильской декларации по архипелагу Спратли. Документ призвал вовлеченные в спор стороны к сдержанности в словах и действиях и к участию в совместном развитии региона при отказе от посягательств на суверенитет других сторон.

К принятию Декларации АСЕАН подтолкнул рост напряженности в регионе, вызванный не только активизацией претензий сторон на спорные острова, но и ростом военной мощи Китая, подтолкнувшей гонку вооружений в регионе. Несмотря на то что Китай был против вынесения вопроса о Спратли в какие-либо международные организации, проводимая им политика экономических реформ и открытости требовала расширения и укрепления политических и экономических отношений со странами Юго-Восточной Азии и стабильности в регионе. Используя эту заинтересованность Пекина, странам АСЕАН постепенно удалось вовлечь его в процесс обсуждения правил

игры в Южно-Китайском море. В июле 1994 г. Китай получил статус «консультативного партнера» на только что созданном Азиатском региональном форуме, а в 1996 г. стал полноправным партнером АСЕАН по диалогу. В декабре 1997 г. в Куала-Лумпуре состоялся первый саммит АСЕАН—Китай. В подписанной по его итогам Совместной декларации обе стороны заявили о решимости установить и развивать отношения добрососедства и взаимного доверия, ориентированные в XXI век. С этого момента двусторонние и многосторонние контакты между Китаем и странами АСЕАН стали регулярными. Это способствовало успешному решению многих проблем региона и привело к подписанию в 2002 г. Декларации действий сторон в ЮКМ¹.

По оценкам вьетнамских экспертов, в соответствии с Декларацией 2002 г. КНР и страны АСЕАН обязались проявлять сдержанность в своих действиях в зоне Южно-Китайского моря, избегать возникновения конфликтных ситуаций, искать решение территориальных и правовых споров мирными средствами, путем дружественных консультаций и переговоров, не используя угрозу силой или ее применение. Кроме того, подписанты Декларации согласились ввести самоограничение своей деятельности, способной вызвать расширение и обострение споров. Декларация хотя и не разрешила территориальные проблемы региона, но помогла сохранить мир и создала условия для совместной разработки природных ресурсов².

Однако, по мнению российских экспертов, Декларация 2002 г. в большей мере отвечала интересам Китая, поскольку четко оговаривала, что все противоречия в ЮКМ должны решаться между сторонами, непосредственно вовлеченными в конфликт. Это побудило США, не являющихся претендентом на спорные острова ЮКМ, поддержать выработку странами региона Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море вместо Декларации 2002 г.³ Проект этого документа был обнародован только в 2011 г. В его преамбуле говорится, что реализация Кодекса предусматривает, что статус спорных островов, вод, ресурсов и структур не будет затронут⁴. Китай тоже неоднократно подчеркивал, что готов поддержать Кодекс при условии, что он будет направлен на укрепление взаимного доверия, углубление сотрудничества между сторонами, обеспечение мира и стабильности, а никак не на урегулирование территориальных споров в регионе.

Согласование позиций КНР и АСЕАН по вопросу Кодекса предполагалось провести на саммите АСЕАН + Китай в столице Камбоджи Пномпене в июле 2012 г. Однако незадолго до этого, в апреле 2012 г., между КНР и Филиппинами усилилась напряженность из-за острова Хуанъяньдао. Пекин обвинил Филиппины в провоцировании конфликтов, создании «ложного образа КНР» как угрозы миру в регионе, стремлении «перетянуть другие государства в свой лагерь» и в конечном счете в попытках придать проблемам в ЮКМ международный характер⁵.

Затем на саммите в Пномпене председательствующая делегация Камбоджи отказалась включить вопрос о Кодексе в повестку дня. Впервые за все годы существования саммита его участники не смогли выпустить совместное коммюнике. МИД КНР обвинил в этой неудаче делегации Филиппин и Вьетнама, которые «настоятельно просили включить в документ двусторонние морские споры и пытались сообщить всем и каждому о своих разногласиях с Китаем»⁶. При этом Пекин подтвердил, что выступает за превращение ЮКМ в море, где царят мир, дружба и сотрудничество. Пекин не выразил протестов против призывов АСЕАН к реализации Декларации действий сторон в ЮКМ, скорейшему подписанию регионального Кодекса поведения и полному соблюдению общепризнанных норм международного права.

При этом было отмечено, что «китайская сторона уже выработала политику, направленную на мирное урегулирование вопроса на основе переговоров один на один», однако при этом Китай занимает «открытую позицию при обсуждении со странами АСЕАН Кодекса поведения в Южно-Китайском море». Пекин обвинил «некоторых членов АСЕАН» в принятии в одностороннем порядке шагов в нарушение морского территориального суверенитета Китая и отметил, что, только когда страны АСЕАН начнут соблюдать Декларацию действий сторон в Южно-Китайском море, они смогут достичь прогресса в подписании и соблюдении юридически обязательного «кодекса поведения»⁷.

Одновременно Пекин жестко реагировал на попытки США вмешаться в спор об островах ЮКМ, в частности на заявление Госдепартамента США по проблеме ЮКМ от 3 августа 2012 г. по поводу создания китайского плацдарма на острове Юнсин архипелага Спратли (Наньша). В заявлении МИД КНР по этому поводу говорится, что американское заявление «фальсифицировало факты, замутило воду и дало крайне ошибочный сигнал», что «не способствует усилиям заинтересованных сторон по обеспечению мира и стабильности в районе ЮКМ, а также в АТР в целом». Выразив «сильное неудовлетворение и решительное несогласие с позицией США», Пекин заявил, что «Китай обладает неоспоримым суверенитетом над островами Южно-Китайского моря и прилегающей к ним акваторией», так как это «полностью обосновано исторически». Речь шла о том, что в 1959 г. Китай учредил подчиненные провинции Гуандун представительства на архипелагах Сишачуньдао, Чжуншачуньдао и Наньшачуньдао для осуществления административной юрисдикции над этими островами и прилегающих к ним акваторий.

Поэтому, по логике Пекина, создание «города Саныша представляет собой урегулирование и совершенствование системы административного управления соответствующими районами. Это было совершено в пределах суверенитета Китая». Далее в своем заявлении МИД КНР обвинил США в том, что их «избирательная слепота» и

■ Международные отношения

«выражение озабоченности» по проблеме ЮКМ идут вразрез с дававшимися ими ранее обещаниями не поддерживать в спорах в ЮКМ ни одну из сторон⁸.

Китай четко продолжает придерживаться тактики ведения переговоров со своими оппонентами в споре за острова в ЮКМ строго на двусторонней основе, стараясь через каждого конкретного партнера доводить свою позицию до всех членов АСЕАН, вовлеченных в спор. Это проявилось и во время встречи в Пекине в конце августа 2012 г. председателя КНР Ху Цзиньтао и президента Филиппин Б. Акино. Китайский лидер в очередной раз подчеркнул, что китайская сторона всегда выступает за мирное решение споров вокруг Южно-Китайского моря путем консультаций и переговоров, однако фактически потребовал от стран АСЕАН, вовлеченных в споры, «отойти от спорных моментов и активно изучить вопросы по совместному освоению указанной морской акватории»⁹.

В сентябре 2012 г. в ходе поездки по странам Восточной и Юго-Восточной Азии госсекретарь США Х. Клинтон призвала лидеров АСЕАН и Китая поскорее согласовать Кодекс поведения. 5 сентября Клинтон встретила в Пекине с министром иностранных дел КНР Ян Цзечи, который заявил, что Китай готов к обсуждению Кодекса, но споры в регионе должны решаться в ходе «непосредственных переговоров и дружественных консультаций», то есть на двусторонней основе¹⁰.

В очередной раз позиция КНР по проблемам ЮКМ была изложена премьер-министром на закрытом заседании в рамках Восточноазиатского саммита в Пномпене 20 ноября 2012 г. Судя по информации, распространенной китайскими источниками, Вэнь Цзябао на пресс-конференции в Пномпене привлек внимание к тому, что КНР больше всего озабочен обеспечением свободы и безопасности судоходства в регионе ЮКМ. Кроме того, он попытался представить дело так, будто страны – члены АСЕАН, подписавшие в 2002 г. «Декларацию действий сторон в ЮКМ», как и Китай, «не согласны с интернационализацией вопроса Южно-Китайского моря». Относительно Кодекса поведения в ЮКМ Вэнь Цзябао отметил наличие у КНР надежды «непрерывно накапливать консенсусы в целях создания условий для проведения переговоров по разработке Кодекса»¹¹.

Одной из структур, занимающихся выработкой и обоснованием позиций руководства КНР по проблемам ЮКМ, является китайский Национальный институт изучения ЮКМ. В сентябре 2012 г. его президент У Шицунь в статье «Кто являются подлинными создателями проблем в Южно-Китайском море?» откликнулся на некие статьи в иностранных СМИ, в которых утверждается, что Китай в последнее время стал более «агрессивным» в зоне ЮКМ и он предпринял «провокационные действия», ведущие к «нестабильности» в этом районе. Назвав эти сообщения не соответствующими фактам, У Шицунь обвинил в нагнетании обстановки в регионе тех, кто пытается интернационализировать вопрос о ЮКМ. Активизацию по-

пыток интернационализировать вопрос о ЮКМ он увязал со смещением глобального стратегического внимания США на Азию. Кроме того, он отметил, что «некоторые страны за пределами региона использовали смещение глобальной стратегии США в Азию для усиления своего влияния на ситуацию в ЮКМ, что способствовало эскалации геополитической конкуренции в этом районе и в конечном итоге подтолкнуло ЮКМ к превращению в международную горячую точку»¹².

Далее У Шицунь раскритиковал США за нарушение декларируемого ими нейтралитета в территориальных спорах в ЮКМ и искажение фактов при публикации высказываний Государственного департамента по вопросам ЮКМ. Примечательным представляется следующий пассаж из статьи У Шицуня: «Китайский народ любит мир и придерживается принципа дружбы и добрососедства с соседями. Однако это не значит, что Китай смирится с тем, что зарубежные страны нарушают его территориальную целостность или морские права и интересы». Отметив, что Китай «готов работать совместно с другими заинтересованными сторонами для развития международного сотрудничества в области морской безопасности в регионе», У Шицунь подчеркнул, что КНР тем не менее против того, чтобы любые посторонние игроки вмешивались в дела в ЮКМ под предлогом «обеспечения свободы навигации». Он заверил, что Китай открыт для дискуссий по формулированию Кодекса поведения в ЮКМ, однако назвал первоочередной задачей сторон продолжение переговоров и консультаций по практическому сотрудничеству в соответствии с духом Декларации действий 2002 г.¹³

Очевидное нежелание Пекина предпринять реальные шаги для ускорения принятия Кодекса поведения, видимо, можно объяснить опасениями, что Кодекс будет использован странами АСЕАН для оказания коллективного давления на Китай и ограничения его деятельности в регионе. Для этого могут быть использованы, в частности, некоторые положения статьи 13 «Добросовестное исполнение» нынешнего проекта Кодекса. В ней указывается, что «в период действия Кодекса стороны не могут выдвигать новые претензии либо расширять уже существующие требования, сооружать новые конструкции либо расширять существующие, занимать новые острова, воды либо другие объекты»¹⁴.

Положениям этой статьи противоречат, в частности, недавние действия КНР по созданию, по сути, военной базы на острове Юнсиндао архипелага Спратли (Наньша), вызвавшие протесты со стороны не только ряда стран бассейна ЮКМ, претендующих на эти острова, но и со стороны США. В конце ноября правительство КНР приняло решение о том, что с нового года полиция китайской южной провинции Хайнань будет осуществлять досмотр иностранных судов, заходящих без соответствующего разрешения в районы Южно-Китайского моря, которые КНР относит к своим территориальным¹⁵.

Очевидно, что проводимая КНР в последнее время политика в ЮКМ привела к обострению

отношений со странами региона и подтолкнула некоторые из них, в частности Филиппины и Вьетнам, на активизацию оборонного сотрудничества с США. Аналогичные тенденции наблюдаются и в развитии ситуации с территориальным спором КНР с Японией по поводу островов Сенкаку (Дяоюйдао).

Китайское руководство, видимо, начало осознавать, что обострение территориальных споров с соседями повышает риск для Китая оказаться в изоляции или столкнуться с объединенным фронтом стран, имеющих территориальные споры с КНР, которые получают поддержку со стороны США. Есть косвенные свидетельства наличия у руководства КНР озабоченности по поводу ухудшения отношений с соседями из-за территориальных споров. В частных беседах некоторые китайские эксперты открыто признают, что руководство КНР, понимая негативные последствия для Китая обострения из-за территориальных споров, ищет пути выхода из сложившейся тупиковой ситуации. Они также утверждают, что обострение территориальных споров в зоне ЮКМ также провоцирует развитие ситуации в направлении, противоречащем коренным интересам Китая. Однако приведет ли обеспокоенность руководства КНР текущим состоянием дел в отношениях со странами, с которыми Пекин имеет территориальные споры, к корректировке внешнеполитического курса на этом направлении в целях смягчения противоречий с соседями, сказать пока сложно, так как в противоположном направлении действует набирающее силу общественное мнение.

Широко утвердилось мнение, что ЮКМ – это уже не только и не столько источник довольно ценного природного удобрения (птичье гуано) и рыбных ресурсов. Перспективы района связывают с крупными газовыми и нефтяными залежами. В миллиардах кубических метров и в миллионах тонн они оцениваются прикидочно, но цифры, как правило, выкладываются соблазнительные. С расширением горизонта утилитарного внимания в ЮКМ к энергетическим возможностям этого пространства владение островами, независимо от их размеров и пригодности к обитанию, обретает вдобавок к стратегической важности еще и коммерческую значимость. Острова играют роль определяющих критериев при дележе этого пространства прилегающими к ЮКМ и расположенными там государствами. А почти все они, не дожидаясь окончательного урегулирования споров, активно приступили к разведке и разработке морских недр в ЮКМ с привлечением внерегиональных игроков, включая Россию.

Южная оконечность островов Спратли, являющихся предметом перекрестного многостороннего спора, отстоит почти на тысячу километров к югу от побережья КНР, которая, в отличие от юго-восточных стран, претендует на всю группу островов (наряду с Тайванем). Китай уже занимает все Парасельские острова, с чем решительно не согласен Вьетнам, считающий их полностью своими. Иными словами, реализация китайского подхода подразумевает получение Китаем единоличного

права контроля в отношении почти всей акватории ЮКМ и морского дна, то есть узаконивания того, что обозначается Китаем на «древних» и современных картах в одностороннем порядке.

Такой подход вряд ли найдет поддержку у мирового сообщества. Через ЮКМ осуществляется интенсивное международное судоходство, проходят морские коммуникации, жизненно важные для большого числа стран, расположенных на разных континентах. Происходящее в последние годы смещение динамики мировой экономической активности в азиатско-тихоокеанскую зону добавляет «цену» неукоснительности обеспечения свободы навигации и в через ЮКМ. Это – самостоятельный фактор в проблематике ЮКМ, и его нельзя не принимать в расчет, да и никто не даст его проигнорировать. Он становится еще одним мотивом и оправданием для стимулирования военных приготовлений в районе ЮКМ. Они находят свое выражение не только в заметном переключении сил и средств прибрежных стран ЮВА на военные нужды, в их опоре на внерегиональные государства, но и в наращивании последними своего военного присутствия и активности в Восточной Азии и в зоне ЮКМ в различных формах. Военные приготовления Китая, которые осуществляются с учетом характера действий всей совокупности игроков, со стороны интерпретируются не просто в плане тлеющих территориальных споров, но все заметнее с акцентом на угрозу свободе навигации в ЮКМ.

Складывается своего рода замкнутый круг гонки вооружений и накопления дестабилизирующих элементов, который внешне выглядит как противостояние озабоченности мирового сообщества состоянием и перспективами свободы мореплавания в ЮКМ и гипотетических посягательств на нее со стороны Китая. С приходом в 2008 г. к власти в США демократов Вашингтон практически сразу определил в качестве приоритетной задачу восстановления, а на деле – упрочения своего военно-политического лидерства и конкурентных позиций в Тихоокеанском бассейне. Словно по заранее тщательно проработанным и сцепленным воедино «домашним заготовкам» пошло быстрое оживление и упорядочение традиционных союзнических связей, реанимация и модернизация прежних, а также установление новых партнерских отношений, выстраивание на этой основе новых политических и экономических конфигураций. В том числе системы ПРО, создание которой ведется темпами, не уступающими европейской.

Географически американская активизация практически совпадает с восточноазиатской дугой конфликтогенности. Это очень заметно, но не озадачивает. Ведь политика США на Тихом океане, да и в АТР в целом, во всех своих проявлениях ориентирована прежде всего на обеспечение себе положения доминантной фигуры в условиях обостряющегося состязания с Китаем по мере его превращения в самобытный полюс в мировом раскладе сил. Если отношения между Китаем и США можно описать как диалектически подвижное сосуществование двух величин, то ЮКМ, вновь

■ Международные отношения

оказавшись в последние годы в фокусе внимания Вашингтона, становится местом непосредственного соприкосновения двух стран в их военно-морской компоненте.

Многокомпонентный характер проблематики ЮКМ не располагает к тому, чтобы кто-то один или сообща сумел предложить универсальный ключ, который обеспечил бы одномоментное комплексное решение. Это представляется далеким от реальности как с точки зрения ожиданий, так и в плане вектора усилий. В проблематике ЮКМ можно констатировать наличие двух крупных, неодинаковых по смыслу, но не изолированных друг от друга сегментов. Во-первых, клубок территориальных споров насчет островов и вытекающая отсюда тема установления морских и донных границ, сама по себе несущая заряд серьезных разногласий. Во-вторых, обоснованная забота международного сообщества о том, чтобы в этом районе конфликтная ситуация удерживалась в контролируемом состоянии и не сказывалась на свободе морских коммуникаций. Применительно ко второму сегменту можно говорить о широком схождении интересов (но вовсе не обязательно о совпадении мотивов) большого числа государств, в том числе внерегиональных, включая Россию. То есть о наличии объективной предпосылки рассматривать вопрос в интернациональной проекции со свойственным такому подходу инструментарием. В общей форме он уже довольно давно обсуждается на ежегодных министерских заседаниях Асеановского регионального форума по безопасности (АРФ), с недавних пор – на Восточноазиатских самитах (ВАС), в обоих случаях с участием России. Этот вопрос неизменно затрагивается на встречах АСЕАН с диалоговыми партнерами, которые регулярно проводятся в различных форматах. Позиции всех участников достаточно известны, как и тональность, в которой они представляются. Эти позиции воспроизводятся каждый раз примерно схожим образом с той или иной долей фразеологической нюансировки. Поэтому потребности в еще одном специальном механизме по ЮКМ не просматривается.

Что касается первого сегмента, то там налицо противостояние претензий по специфической теме субъективного порядка – территориально-разграничительной. Теме, которая в ЮКМ не имеет внешних источников происхождения, а потому должна быть отнесена к предмету урегулирования прежде всего между самими спорщиками. Именно в недопущении того, чтобы они действовали силовым образом в отношении друг друга, а не во взаимодействии в переговорный процесс видится роль международного сообщества.

Следует подчеркнуть, что в ЮКМ речь идет не об урегулировании пограничных вопросов. В таких случаях путем сложных переговоров стороны сопоставляют взгляды относительно соответствия прохождения линии существующей и в целом международно-признанной границы, установленной ранее на основе сохраняющих силу правовых актов. Принадлежность того или иного

района определяется не заранее, а в зависимости от местоположения границы на местности. При территориальном споре все наоборот. Конкретное разграничение играет подчиненную роль. Стороны сперва делят территории, бывает, что крупными кусками, а затем прокладывают заново границу. При этом они могут принимать во внимание различные моменты, в том числе исторического порядка. Но все же конечная формула, как правило, диктуется политической волей участников, несет на себе печать «весовой категории» и замыслов каждого из них.

Решать вопрос о принадлежности земель, будь то на суше или на море, можно тремя основными способами. Первый – когда, обычно по итогам войны, группа государств-победителей договаривается о территориальном устройстве мира (или его значительных частей), включая конкретные предписания относительно будущих пределов юрисдикции проигравших стран. Второй способ – когда группа государств фиксирует отказ от взаимных территориальных претензий или берет на себя обязательство уважать и соблюдать неприкосновенность границ, существующих на момент договоренности. Третий – когда заинтересованные стороны договариваются между собой. Это можно делать непосредственно или с привлечением посредников по выбору участников в лице третьего государства, какой-либо международной организации или Международного суда в Гааге. В таком случае добраться до решения и принять его невозможно, если постоянно оборачиваться назад, оглядываться на древность, а не развернуться лицом в будущее и самим его формировать.

Выше уже отмечалось, что спорящие не апеллируют к строгим юридическим документам, способным убедительно подтвердить их претензии. Поэтому поиск решений территориальных споров в ЮКМ может идти преимущественно на политическом поле, быть вариативным по составу участников и поэтапным во времени реализации, а конечный результат – зависеть от соображений дальнейшей стратегии. Иными словами, было бы опрометчивым рассчитывать на то, что все удастся урегулировать комплексно, одномоментно, «большим пакетом».

Вариант, при котором все спорщики заявят об отказе от своих претензий и выразят готовность к переговорам с «чистого листа», представляется абсолютно нереалистичным. Для Китая это было бы равносильно геополитическому отступлению, созданию прецедента перелицовки собственной версии истории, чреватого потрясением устоев внешней политики страны на всех азимутах. При таких исходных позициях оказываются «подвешенными в воздухе» ссылки Китая на применение положений Конвенции ООН по морскому праву, ибо она исходит из наличия международно-признанных государственных пределов, включая вопрос о том, что можно считать историческими водами. К конвенции апеллируют и страны ЮВА, споря не только с Китаем, но и между собой. При этом они пытаются «растягивать» положения конвен-

ции применительно к своим интересам, стараясь инкорпорировать спорные островные районы в состав собственных провинций.

Своеобразная двусторонность с Китаем могла бы сложиться при условии, если спорящие страны, входящие в АСЕАН, согласились бы зафиксировать нынешний статус-кво по островам Спратли между собой под эгидой ассоциации. Такой образ действий отвечал бы генеральной линии развития АСЕАН, ставящей перед собой амбициозную и далеко идущую задачу создания к 2015 г. интеграционного сообщества – экономического, социально-культурного, политики и безопасности. АСЕАН также исходит из того, что, продвигаясь по этому пути, а в 2015 г., видимо, можно будет говорить только о закладке основ такого сообщества, ассоциация будет закреплять за собой положение центробразующей организации Тихоокеанского бассейна, а именно так она себя позиционирует сейчас.

Движение в этом направлении отнюдь не означает подмены или отказа от выработки такого документа, который бы кодифицировал нормы поведения в ЮКМ. То есть развивал и дополнял положения Декларации, принятой в 2002 г. АСЕАН и Китаем, только делал бы это в более строгой договорной форме. Соответствующая задача неизменно стоит в повестке дня асеано-китайских отношений уже в течение ряда лет, не вызывая возражений ни у одной из сторон. Ее позитивное решение позволило бы разрядить общую обстановку в ЮКМ и создать более здоровую атмосферу вокруг территориальных споров, работало бы на обеспечение свободы судоходства. Потому, можно уверенно сказать, в появлении такого документа есть живая заинтересованность международного сообщества.

Понятно, что подготовка обязывающего кодекса – дело ответственное и сложное, будь то с точки зрения концептуальных замыслов или в плане содержательного наполнения. Декларация 2002 г. представляется весьма удачной первоосновой. Она содержит в себе достаточные предпосылки и солидные правовые заделы для того, чтобы стать каркасом намеченного документа. Думается, определенную пользу его составителям могло бы принести обращение к опыту других стран, например, в том, что касается необходимости конкретизировать понятие «меры доверия». В общем виде о них упоминается в Декларации. Между тем это положение заслуживает специального внимания, учитывая тревожные симптомы ситуации в ЮКМ.

Существуют прецеденты подобного рода документов с участием Китая. Они были выработаны и подписаны применительно к районам сухопутных границ между Китаем и Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Индией. Примечательно, что соответствующие соглашения заключались тогда, когда еще не были до конца и полностью решены вопросы о границе. То есть два переговорных процесса вполне могут идти параллельно, дополняя, а временами подталкивая и стимулируя друг друга. На первый взгляд речь в этих документах идет о

военной сфере, самой по себе очень чувствительной. Но, по сути, они затрагивают глубинные политические аспекты взаимоотношений, коренные национальные интересы государств-участников. Поэтому базовые элементы сформулированных в них мер доверия могут рассматриваться в гораздо более широком контексте как географически, так и субстантивно.

Разумеется, речь здесь ведется не об автоматическом переносе или о прямом заимствовании всего того, чем наполнены эти соглашения, но они могли бы стать полезным подспорьем для разработчиков Кодекса поведения в ЮКМ.

Территориальные споры в ЮКМ и Россия

Россия, будучи по своему географическому положению евро-тихоокеанской державой, реально заинтересована в том, чтобы существующие в зоне Тихого океана трения, включая территориальные споры в ЮКМ, не принимали конфронтационный облик, тем более не перерастали в силовые акции. Отдаленность России в морских милях от района ЮКМ не может и не должна восприниматься как отстраненность России от того, что в нем происходит и куда могут там пойти события.

У России – ровные, нормальные, партнерские связи и контакты со всеми странами, расположенными в Восточной Азии, уважительное отношение к АСЕАН как к утвердившейся организации с большими перспективами. Всестороннее доверительное стратегическое партнерство с Китаем – важнейший приоритет российской внешней политики в целом и в АТР в частности. У нее существует понимание характера взаимодействия США с их традиционными контрагентами в регионе, своя оценка политики Вашингтона, нацеленной на то, чтобы закрепить и усилить свое присутствие в Восточной Азии, особенно вблизи морского оборонительного периметра Китая.

Вместе со всем международным сообществом Россия хочет, чтобы в ЮКМ не возникало обострений, подрывающих мирную обстановку в регионе и угрожающих свободе мореплавания. Так сложилось, что решение территориальных споров в ЮКМ находится в связи с режимом навигации, то есть переплетение проблем, которые принято решать в двустороннем суверенном порядке, как бы оказывается в одной плоскости с многосторонними озабоченностями. Но это не означает их смешивания в один искусственный продукт, который только способен становиться все более запутанным и взрывоопасным.

Выстраивать рамочный контур российской позиции по ЮКМ следует исходя из всех параметрических особенностей развития обстановки. Безусловно, она должна обладать внутренней подвижностью, быть адекватной обстоятельствам, более того, быть способной влиять на них, в том числе путем дружественных рекомендаций на основе собственного опыта и наработок в деле культивирования атмосферы доверия и взаимопонимания между странами.

■ Международные отношения

Vorobyev V.Y., Ivanov A.V. The Line of Beijing in Settlement of Problems in the Basin of the South China Sea.

Summary: The article is devoted to the politics of China in resolving the problems in the basin of the South China Sea. Not that long ago, the conflict in the region was understood as a clash between China and several countries in South-East Asia, the members of ASEAN (Philippines, Vietnam, Malaysia, Brunei, Indonesia in part), upon the right to own more than one group of uninhabited islands, reefs and shoals scattered throughout the South China Sea, and the limits of their exclusive economic zones and continental shelf. Now, however, opponents of China in the dispute over the islands, who had previously been negotiating with Beijing on a bilateral basis, have taken the first step towards the internationalization of the debate. Meanwhile, China continues to maintain a clear negotiating tactic with its opponents in the dispute over the islands on a strictly

bilateral basis, trying to bring its position to all ASEAN members involved in the dispute through each individual partner. Beijing's apparent unwillingness to take real steps to speed up the adoption of the Code of Conduct can probably be explained by the fear that the Code will be used by ASEAN countries to provide collective pressure on China and limit its activities in the region. The policy which was carried out in the South China Sea by China recently has led to strained relations with the countries of the region and prompted some of them, in particular, the Philippines and Vietnam to intensify defense cooperation with the United States. Being connected both to Europe and the Pacific Ocean by its geographical position, Russia would prefer the territorial disputes in the South China Sea not to grow into a confrontation, especially not to be developed into military actions. The fact that in terms of nautical miles Russia is fairly removed from the South China Sea does not mean it is detached from the situation in the region and its possible outcomes.

Ключевые слова

Южно-Китайское море (ЮКМ), КНР, территориальные споры, интернационализация дискуссии, Кодекс поведения в ЮКМ, оборонное сотрудничество, США.

Keywords

South China Sea, China, territorial disputes, the internationalization of the debate, the Code of Conduct in the South China Sea, defense cooperation, the United States.

Примечания

1. 2002 DECLARATION ON THE CONDUCT OF PARTIES IN THE SOUTH CHINA SEA, Adopted by the Foreign Ministers of ASEAN and the People's Republic of China at the 8th ASEAN Summit in Phnom Penh, Cambodia on 4 November 2002, [<http://www.aseansec.org/13163.htm>]
2. АСЕАН и проблемы Южно-Китайского моря. <http://vnsea.net/tabid/136/ArticleID/708/language/vi-VN/Default.aspx?returnUrl=/tabid/136/FilterTypeID/False/FilterDate/2012-10-21/currentpage/4/language/vi-VN/Default.aspx>
3. Канаев Е. Южно-Китайское море – пороховая бочка Азии? РСМД 01.11.2012 http://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/?id_4=211
4. Региональный кодекс поведения в ЮКМ. <http://vnsea.net/tabid/135/ArticleID/552/language/vi-VN/Default.aspx>
5. Южно-Китайское море – это не парк развлечений без правил, сайт «Жэньминь жибао», <http://russian.people.com.cn/95181/7798430.html>
6. Шесть принципов АСЕАН соответствуют политике КНР по урегулированию проблемы Южно-Китайского моря. Сайт «Жэньминь жибао», <http://russian.people.com.cn/31520/7883420.html>
7. Там же.
8. Официальный представитель МИД КНР Цинь Ган высказал твердую позицию Китая по поводу опубликования Госдепартаментом США т.н. заявления по проблеме Южно-Китайского моря 04.08.2012, сайт посольства КНР, <http://ru.chineseembassy.org/rus/fyrth/t958452.htm>
9. Ху Цзиньтао: позиция Китая по Южно-Китайскому морю является неизменной и четкой, сайт «Жэньминь жибао», <http://russian.people.com.cn/31521/7585391.html#>
10. Позиция Китая по вопросам Южно-Китайского моря является неизменной и ясной – Ян Цзечи, http://russian.china.org.cn/news/txt/2012-09/05/content_26439038.htm
11. Вэнь Цзябао о региональной ситуации и позиции Китая по вопросу Южно-Китайского моря. <http://www.cntv.ru/2012/11/21/ART11353463431953498.shtml>
12. Who are the real troublemakers in the South China Sea? Dr. Wu Shicun, 2012-11-9, [Globaltimes.cn http://www.nanhai.org.cn/en/cg_detail.asp?newsid=4168&lm=cg](http://www.nanhai.org.cn/en/cg_detail.asp?newsid=4168&lm=cg)
13. Там же.
14. Региональный Кодекс поведения в ЮКМ. <http://vnsea.net/tabid/135/ArticleID/552/language/vi-VN/Default.aspx>
15. Китай с нового года будет досматривать иностранные суда в Южно-Китайском море, Голос России, 29.11.2012 http://rus.ruvr.ru/2012_11_29/Kitaj-s-novogo-goda-budet-dosmatrivat-inostrannie-suda-v-JUzhno-Kitajskom-more/